

Впрочем, когда дело касается неловкости, тот, кто готов к ней заранее, всегда держится увереннее.

Едва цветущая и полная сил вдовствующая императрица Сян изъявила желание призвать Ли Сюньхуаня, Чжао Цзи мысленно приготовился к худшему. Шутка ли: быть верховным покровителем этого человека и при этом не просто тайно щеголять в женском платье, но и бесстыдно выдавать себя за младшего брата наложницы Го! От одной этой мысли бросало в жар.

Но если поразмыслить здраво, неизбежно возникал вопрос: кому в такой ситуации хуже? Самому любителю женских нарядов или же подчиненному, внезапно осознавшему, что его генеральный директор питает слабость к шелковым халатам? Тут уж как посмотреть. Скорее всего, проигрывал тот, у кого сдавали нервы.

Поняв, что уклониться от встречи не удастся, Чжао Цзи пережил целую бурю эмоций: от панического ужаса и жалобного скулежа до немого изумления, за которым последовал тяжелый вздох облегчения, увенчавшийся абсолютным буддийским спокойствием.

Сделав шаг назад, открываешь новые горизонты. Он решил попросту наплевать на приличия. Пусть Ли Сюньхуань отдувается за двоих!

В этот миг их взгляды встретились. Чжао Цзи смутился лишь в первую долю секунды. Сбросив оковы стыда, он мгновенно нацепил маску полнейшего простодушия и безразличия.

А вот Ли Сюньхуань оцепенел. Лицо его вытянулось, а в глазах застыл немой крик изумления.

"В-Ваше Величество?.. Вчерашний молодой господин Го, благородный воин... это император?!"

До Ли Сюньхуаня быстро дошел тот абсурдный нюанс, о котором развалившийся на троне Чжао Цзи уже успел благополучно позабыть. Значит, вчера государь лично явился в Павильон Десяти Тысяч Цветов к куртизанке Линь Сяньэр, чтобы вывести у нее, как наложнице Го, убажать мужчин?!

"Я самолично иду к девке легкого поведения, чтобы та научила мою бабу, как правильно со мной кувыраться?!"

Даже выдавший виды Ли Сюньхуань, завсегдатай питейных заведений и веселых кварталов, почувствовал, как у него ум заходит за разум. Чтобы император... пошел на такое...

В голове несчастного литератора воцарилась звенящая пустота.

"Нет-ней, негоже подданному судить о поступках государя и строить дерзкие догадки. Вчерашний визит Его Величества к деве Сянь-эр наверняка был лишь прикрытием. Точно,

тайной государственной необходимостью!"

Тем временем Чжао Цзи, вольготно устроившись на троне, мысленно хвалил себя за завидную стрессоустойчивость. Он давно забыл о своей вчерашней лжи, даже не подозревая, какими фантастическими красками его образ заиграл в воображении Ли Сюньхуаня. Что и говорить, роль «порочного, падшего до вина и женщин монарха» удавалась ему блестяще.

В зале воцарилось молчание. Наконец, сидевшая за полупрозрачной ширмой вдовствующая императрица Сян нарушила тишину. Завеса скрывала ее от посторонних глаз, но сквозь тонкий шелк она прекрасно видела все происходящее.

Заметив странное замешательство гостя, она с недоумением спросила:

— Младший призер Ли знаком с Его Величеством?

Вопрос вдовствующей императрицы выдернул Ли Сюньхуаня из пучины безумных мыслей. Он мельком взглянул на государя и заметил, как тот едва уловимо скривил губы, призывая подыграть.

Обычно невозмутимый и красноречивый, поэт впервые в жизни заговорил с запинкой:

— Н-нет... Мы не знакомы. Просто... впервые узрев лик Его Величества, я был столь глубоко поражен величием и властным обликом Сына Неба, что на миг лишился дара речи.

Лесть вышла топорной, но Чжао Цзи не был родным сыном вдовствующей императрицы, так что ее это ничуть не задело. Для нее эти слова прозвучали пустой формальностью.

Впрочем, красивым людям прощают многое. Ли Сюньхуань был не просто смазлив — он был молод, чертовски талантлив, искусен в каллиграфии и благороден. Императрица искренне симпатизировала ему. К тому же ей срочно требовалось создать образцового чиновника, чтобы иметь повод посильнее закрутить гайки остальным — тем бездельникам, что провалили аттестацию.

— Очерк кисти младшего призера Ли изящен, а сам он на редкость благороден лицом и помыслами, — неторопливо и величественно заговорила императрица из-за ширмы. — К тому же на нынешней аттестации его успехи неоспоримы. Такое рвение должно быть вознаграждено по достоинству.

Чжао Цзи понял: пора брать инициативу в свои руки. Быстро перебрав в памяти чиновничьи должности Кайфэна, он с самым деловым видом кивнул:

— Матушка права, награда необходима. До Нас доходили слухи, что младший призер Ли силен не только в словесности, но и в ратном деле, а о трех талантах его семьи в народе слагают

легенды. Быть может, назначить его Редактором Зала Собравшихся Талантов? Как вы на это смотрите, матушка?

— Хм, пятый чиновничий ранг, — одобрила вдовствующая императрица Сян. — Вполне соответствует его славному имени.

— В таком случае Мы немедленно велим составить указ, — подытожил Чжао Цзи.

Одарив самого видного кандидата, они перешли к остальным достойным мужам, распределив награды строго по заслугам. Поскольку для вдовствующей императрицы это был первый подобный опыт, она не стала нагло продвигать своих ставленников. Из ее клана Сян поощрение получили лишь двое, да и те действительно слыли людьми толковыми. В итоге список получился на редкость справедливым, по крайней мере, для вида.

Но едва закончились награждения, пришло время расчехлять карающий меч.

В Кайфэне мелких чиновников седьмого ранга и ниже водилось больше, чем блох на бродячей собаке. Даже для надзора за крошечным уличным рынком умудрялись пристроить парочку надзирателей. Именно на этих нижних ступенях — от седьмого до девятого ранга — плодились бездари, получившие должности благодаря связям и протекции. Стоило скосить эту сорную траву, как влиятельные кланы даже не почесались бы ради защиты такой мелкой сошки.

Чжао Цзи и канцлер Чжан Дунь загодя наточили свои серпы. Настало время собирать жатву.

На стол императора лег список из более чем сотни нерадивых служащих с их позорными экзаменационными листами.

Как выяснилось, и в древности нерадивые ученики пользовались правилом: «Даже если не знаешь ответа, пиши побольше, авось проверяющий сжалится за старание». Но если правильный ответ всегда один, то глупость каждый раз заявляла о себе с редким разнообразием.

В иных работах на любой вопрос предлагалось единственное решение — палочные удары.

«Каково наказание за кражу согласно Уложению Великой Сун?» Ответ: «Бить палками».

«Каково наказание за убийство?» Ответ: «Бить палками».

Другие щедрой рукой выписывали за любое прегрешение смертную казнь через расчленение.

Вдовствующую императрицу Сян к старости подводило зрение, она и прежде не жаловала чтение казенных бумаг, но, пролистав несколько подобных перлов, едва не слегла с сердечным

приступом. Кто бы мог подумать, что среди столичного чиновничества расплодилось такое количество откровенных идиотов!

Оправившись от потрясения, императрица фактически передала бразды правления Чжао Цзи. Тот, прикрываясь ее авторитетом, с упоением принялся косить эту чиновничью поросль.

Большинство из них купили свои места или унаследовали их. Лишение жалования их бы не остановило — эти стервятники всегда нашли бы способ обобрать простой люд. Жалование было для них лишь ширмой, жили они исключительно на взятки и поборы. Поэтому Чжао Цзи нанес удар по самому больному — перекрыл им доступ к кормушке.

Отныне провалившие аттестацию не просто лишались мест и жалования. Их отстраняли от дел, а имена вывешивали на всеобщее обозрение у ворот императорского дворца. Позор хуже публичной порки!

Отстраненным чиновникам формально сохраняли должности, но к работе не допускали до тех пор, пока те не выучат Уложение Великой Сун назубок и не пересдадут экзамен. А если кто-то из них во время отстранения дерзнет вершить дела, его судили по всей строгости закона за самозванство.

Либо зубри законы, либо подавай в отставку, не выдержав позора. Даже имея за спиной могущественных покровителей, любой взяточник теперь трижды подумает, прежде чем нарушить Уложение Великой Сун, которое ему пришлось вы зубрить наизусть.

Малый совет подошел к концу. Довольный устроенной чисткой Чжао Цзи, насвистывая, направился к выходу. У боковых дверей он столкнулся с Ли Сюньхуанем, которого вдовствующая императрица задержала на пару слов.

При виде государя у бедного поэта перед глазами вновь предстал образ его «наложницы Го» — девы Линь Сяньэр. Спешно отведя взгляд, Ли Сюньхуань смиренно устоял в пол.

Чжао Цзи и не подозревал, что в глазах своего кумира он превратился в невероятного сластолюбца и безумца. Лицо императора сияло искренней радостью.

— Я как раз собирался послать за тобой, а ты тут как тут. Пойдем, прогуляемся. — Чжао Цзи обернулся к свите: — Держитесь поодаль. Нам нужно побеседовать наедине.

Слуги мгновенно отступили назад, оставив их на почтительном расстоянии в двадцать шагов.

Прохаживаясь по дорожке, Чжао Цзи негромко спросил:

— Ну что, договорился со своим названным братом, кто из вас двоих поведет кузину Шиинь под венец?

Почти одновременно с этим Ли Сюньхуань, не выдержав гнета тайны, выпалил:

— Ваше Величество, клянусь, о вчерашнем происшествии никто не узнает! Мой рот на замке!

Затем, осознав вопрос императора, он посерьезнел:

— Шиинь мне не вещь, чтобы ее делить или уступать.

Чжао Цзи решил, что поэт говорит о вчерашнем переодевании. Хотя самому государю было плевать, слухи об императоре-трансвестите сулили мало хорошего. Он согласно кивнул, принимая клятву молчания.

Но услышав вторую фразу, Чжао Цзи не удержался и закатил глаза:

— Раз раздавать кузин направо и налево нельзя, чего же вы тогда с братом разыгрываете благородных страдальцев? О девице ты подумал, каково ей во всем этом участвовать?

Ли Сюньхуань снова лишился дара речи. Этот император умел бить по самым больным местам с точностью палача.

Чжао Цзи твердил себе, что Ли Сюньхуань — его кумир, но вел себя как самый злобный недоброжелатель. Вчерашняя сцена с Лун Сяоюнем изрядно подпортила нимб над головой великого героя. И все же этот человек был ему дорог. Чжао Цзи не хотел, чтобы тот сбежал за Великую стену, превратился в чахоточного пьяницу и бесславно сгинул. Да и ломать жизнь первой красавице Поднебесной из-за глупости двух мужчин не следовало.

Вздохнув, Чжао Цзи вкрадчиво спросил:

— Верность долгу, сыновнее благочестие, девичья честь и братская верность?

— Что, простите? — растерялся Ли Сюньхуань.

— Я спрашиваю, — терпеливо повторил Чжао Цзи, — стоит ли для тебя верность престолу выше сыновнего долга, долг — выше чести, а честь — выше пресловутой мужской дружбы?

— Разумеется, Ваше Величество, — поклонился поэт.

— Отлично. Сегодня же я издам указ о твоём бракосочетании с девой Линь Шиинь.

— Ваше Величество?! — выдохнул ошарашенный Ли Сюньхуань.

Чжао Цзи, желая придать своим словам весу, решительно взмахнул рукой и хлопнул ладонью по стене:

— И решено!

Беда пришла откуда не ждали. Дворцовая каменная кладка оказалась ветхой. Раздался сухой треск, и под ладонью государя поползли трещины. Посмотрев вниз, Чжао Цзи обнаружил отчетливый, глубокий отпечаток собственной ладони в камне.

Осознав, что не рассчитал силу внутренней энергии, он поспешно убрал руку и испуганно огляделся. Заметив, что на звук уже спешат слуги, Чжао Цзи мгновенно переменился в лице и восторженно захлопал в ладоши, глядя на Ли Сюньхуаня:

— Не лгали слухи о твоём невероятном мастерстве! Подумать только, одним легким касанием оставить след на вековой дворцовой стене! Потрясающе!

Подбежавшие евнухи уставились на вмятину в камне, а затем перевели полные благоговейного ужаса взгляды на Ли Сюньхуаня. Надо же, с виду хрупкий книжник, а обладает такой чудовищной силой!

Ли Сюньхуаню пришлось безмолвно принять на себя вину за порчу государственного имущества. Любая попытка возразить пресекалась яростным взглядом монарха. После пары тщетных попыток открыть рот поэт смиренно опустил голову, взвалив эту нелепую ношу на свои плечи.

Чжао Цзи вновь отогнал слуг подальше:

— На чем я остановился?.. Ах да, указ о женитьбе.

— Ваше Величество, но... — попытался вставить слово новоиспеченный разрушитель стен, но император жестко его перебил:

— Мое слово — закон. Нарушишь волю государя — совершишь измену. А если вздумаешь упорствовать, я поговорю с твоим отцом, министром Ли, и тогда клейму предателя прибавится еще и сыновняя непочтительность.

Министр Ли, о котором шла речь, занимал высокий пост, но Чжао Цзи, досконально изучивший список высших чинов столицы, помнил о нем смутно. Примечательно, что сам Ли Сюньхуань вчера даже не признал в нем прежнего князя Дуаня. Если сын министра никогда не видел принца — это одно, но чтобы искушенный гуляка Ли Сюньхуань не знал в лицо известного повесу, завсегдатая тех же веселых кварталов? Это наводило на определенные мысли, но

делиться ими Чжао Цзи пока не спешил.

Поняв, что у него нет иного выбора, Ли Сюньхуань сдался. Никакой долг перед названным братом не мог оправдать бунт против воли Сына Неба. Давящая дилемма между дружбой и любовью разрешилась сама собой под весом императорской воли.

Чжао Цзи же, довольный исходом беседы, велел подать бумагу и тушь. Воспользовавшись тем, что период траура по покойному императору Чжэцзуну подошел к концу, он собственноручно начертил текст указа левой рукой, каллиграфию которой прилежно тренировал в последнее время.

Едва тушь высохла, евнухи свитком под мышкой помчались в усадьбу Ли под звуки гонгов и барабанов объявлять высочайшую волю.

Весть о царском указе громом поразила столицу. Решение государя казалось не просто неожиданным, а граничащим с безумием.

Линь Шиинь была простой безвестной девицей из мира боевых искусств — «людей цзянху», которых при дворе пренебрежительно именовали степной рванью и разбойниками. Ни один благородный дом Кайфэна не опустился бы до союза с такой челядью.

Да и сам Ли Сюньхуань, хоть и происходил из чиновного рода, занимал скромный пост пятого ранга.

Как эти двое умудрились привлечь внимание государя, да еще и удостоиться личного рукописного указа, оставалось загадкой. Для дома Ли это была неслыханная милость.

Вдовствующая императрица Сян и высшие сановники поначалу заподозрили неладное. Но стоило им узнать, что дева Линь Шиинь слывет первой красавицей среди мастеров боевых искусств, как все вопросы отпали. Вспомнив былые причуды прежнего князя Дуаня, они лишь снисходительно улыбнулись.

«Увидел смазливое личико и тут же решил облагодетельствовать» — такое легкомыслие идеально вязалось с образом взбалмошного императора-эстета.

Чжао Цзи ликовал: его маскировка держалась безупречно, а репутация легкомысленного покровителя искусств лишь укрепилась. День выдался на редкость удачным.

Кайфэн гудел от новостей. Это был первый брачный указ государя после окончания траура, и милость, проявленная к младшему призеру Ли, кружила головы.

Однако не всем этот день принес радость.

В Усадьбе Ли Лун Сяотянь в ярости смахнул с полки драгоценную нефритовую вазу и заперся в своих покоях, отказываясь кого-либо принимать.

А в Павильоне Десяти Тысяч Цветов у куртизанки Линь Сяньэр так сильно дрожали руки, что она перебила половину дорогого фарфора в своей комнате.

<http://bllate.org/book/18987/1892205>